

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE AND CONTRASTIVE LINGUISTICS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'27

ББК81.006.2

Б14

DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-65-77

КОГНИТИВНЫЙ РЕСУРС БИЛИНГВИЗМА В СТРУКТУРЕ ДОМЕНОВ ЭТНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

(Рецензирована)

Хазрет Заурбечевич БАГИРОКОВ

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
hbagirokov@mail.ru

Сусанна Рашидовна МАКЕРОВА

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
susanna04@rambler.ru

Аннотация. Анализируются когнитивно-ментальные основания этноидентичности индивидуально-авторского языкового сознания (ИАЯС) писателя, транслирующего закодированные имплицитные и эксплицитные лингвокультурные смыслы в коммуникативно-дискурсивных практиках (КДП) в социокультурной ситуации адыгейско-русского билингвизма. Анализ доменов ментального пространства (ДМП) передает структуру секторальности этнической концептосферы и презентует социокогнитивный резерв билингвальности ИАЯС, позволяя транслировать национальную аксиологию иноязычному читателю.

Ключевые слова: социокогнитивистика, билингвизм, языковое сознание, домен, менталитет, концептосфера, фразеологизм, пословица.

Для цитирования: Багировов Х. З., Макерова С. Р. Когнитивный ресурс билингвизма в структуре доменов этнической концептосферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2024. Вып. 3 (342). С. 65–77. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-65-77.

ORIGINAL RESEARCH PAPER

COGNITIVE RESOURCE OF BILINGUALISM IN THE STRUCTURE OF THE DOMAINS OF ETHNIC CONCEPTOSPHERE

(Reviewed)

Khazret Z. BAGIROKOV

Adyghe State University, Maykop, Russia
hbagirokov@mail.ru

Susanna R. MAKEROVA

Adyghe State University, Maykop, Russia
susanna04@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes cognitive and mental basis of ethno-identity in the individual author's linguistic consciousness (IALC) of a writer who transmits coded implicit and explicit linguo-cultural meanings in communicative-discursive practices (CDP) within the sociocultural context of Adyghe-Russian bilingualism. The analysis of mental space domains (MSD) reveals the sectoral structure of ethnic conceptsphere and presents the sociocognitive potential of IALC bilingualism, enabling the transmission of national axiology to foreign language readers.

Keywords: sociocognitivism, bilingualism, linguistic consciousness, domain, mentality, conceptsphere, phraseologism, proverb.

For citation: Bagirokov Kh. Z., Makerova S. R. Cognitive resource of bilingualism in the structure of the domains of ethnic conceptsphere // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2024. No. 3 (342). P. 65–77. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-65-77.

Введение

В рамках теоретической лингвистики активно развивается научное направление социокогнитивная лингвистика (СКЛ), известное также как когнитивная социолингвистика. P. Harder указывает: «... мы находимся в эпохе социального поворота ... который ... прослеживается во всех когнитивных науках» [1: 115]. И. Ф. Михайлов утверждает: «... перед когнитивной теорией общества стоят две ключевые задачи ... разделять индивидуальное и социальное в когнитивном аппарате ... необходимость и пути преобразования когнитивного в социальное» [2: 21]. Социокогнитивные подходы нашли отражение в работах как зарубежных (см. [3], [4], [5], [6], [7] и др.), так и отечественных ученых (см. [2], [8], [9], [10], [11], [12], [14] и др.). Американский лингвист Gardner P. отмечает междисциплинарность СКЛ: «В настоящее время ... большинство ... ученых пришли в когнитивную науку ... из философии, психологии, искусственного интеллекта, лингвистики, антропологии или нейронауки <...>» [3: 7]. В своих работах G. Fauconnier использует понятие «ментальное пространство» «... для обозначения структуры знаний в ментальном мире человека» и определяет «... разрозненные блоки, конструируемые в ходе того, как мы думаем и говорим ..., активизированные различными способами с различной целью ... может включать знание из нескольких доменов» [4: 352] с «... четко-очерченной областью концептуализации, ... семантических единиц ...» [5: 145] и «... понятие домена, использующегося в теории концептуальных метафор, несколько шире, ...» [6: 181].

Билингвальный резерв ИАЯС в секторальных областях ДМП для носителей адыгейского, русского и других языков неодинаков, что и обуславливает актуальность данной статьи, так как концепт как единица лингвокультурного анализа представляет имманентную категорию национальной аксиологии, отличает специфику и особенности когнитивной и формальной семантики. По мнению G. Lakoff, «все концепты структурированы ... как внутренне, так и относительно друг друга» [7: 614]. Понятие «концептосфера» Д. С. Лихачев представляет, как «ментальную структуру, охватывающую всю культуру в целом ... как совокупность концептов нации» [8: 5]. «Концептосфера, — по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, — упорядоченная совокупность концептов ... в виде обобщенных представлений, мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов...» [9: 19]. В. И. Карасик и коллеги считают, что «... концепты — многомерные ментальные образования — в концептосферах отдельных личностей и в концептосфере ..., в пространстве которой существуют личности» [10: 13–15]. И. В. Зыкова констатирует: «... концепт — культурно-детерминированная идеальная сущность ..., которая имеет невербальное воплощение ...» [11: 45–46].

Задача работы — анализ взаимосвязи между процессами, как индивидуальный билингвизм и этноидентичность ИАЯС, возможный вывод, национальная концептосфера ищет способы трансляции этнического языка и культуры, в результате чего когнитивный резерв билингвальности в определенной степени трансформирует ИАЯС и способствует обновлению «глубинных» смыслов «говорящей» этнической концептосферы. По мнению С. Г. Николаева, исследуемая «разновидность двуязычия, поддается обсуждению с точки зрения художественного текста. ... возможен не менее значимый анализ билингвизма с позиций творческого литературного контекста конкретной личности...» [12: 96]. У. М. Бахтикиреева о ИАЯС билингва говорит, что эта «... способность выразить мысли на языке ... формируется через глубокое погружение писателя в свою языковую культуру и классическую (в данном случае русскую) литературу...» [13]. Л. Ю. Исраилова, И. Ю. Исраилова констатируют: «В идеале носители нескольких языковых систем должны находиться в рамках той или иной системы, однако практика свидетельствует о том, что одна языковая система неизбежно проникает в пределы другой» [14].

Рассматриваемая проблема этноидентичности ИАЯС в ситуации адыгейско-русского билингвизма с использованием количественно-статистических методов и техник в СКЛ достаточным образом не разработана. ДМП, транслирующие «глубинные смыслы» этнического субстрата концептосферы, демонстрирующие национальную концептосферу в контексте графо-морфемной и культурно-языковой диверсификации русскоязычного текста в общем и кавказском языкознании в полной мере не представлены. Правомерным является то, что анализ когнитивно-ментальных оснований этноидентичности ИАЯС дает возможность выявления социокогнитивного резерва адыгейско-русского билингвизма, транслирующего социоментальные намерения этноса, не вызывая конфликта лингвокультур, позволяя в перспективе анализировать продукт ИАЯС КДП в социокогнитивном, функциональном и динамическом аспектах. Когнитивная основа ДМП является национальной, и нами рассматривается билингвизм как синкретичное и бинарное явление, которое передает социокогнитивные компетенции, реализующиеся во внешних вербальных проявлениях КДП. «Язык является, — констатирует С. Х. Анчек, — не только средством общения, но и хранилищем информации, накопленной языковым носителем, живущим в определенной национальной среде» [14: 18–23]. Билингвальность ИАЯС как когнитивно-ментальный инструмент поддерживает обработку, интерпретацию и передачу этнических «глубинных смыслов» индивида и этноса, что, по мнению Е. С. Кубряковой, способствует связи «сознания ... с природой концептов, определяющих сознание» [14: 29]. Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим вниманием к антропоцентрическому аспекту в лингвистике, а также к исследованию когнитивно-ментальных оснований идентичности ИАЯС в качестве лингвокреативного ресурса билингвизма, который осуществляет передачу этнической аксиологии в процессах кодирования/декодирования имплицитных и эксплицитных значений в КДП.

Интерес к исследованиям СКЛ на Северном Кавказе вызван многонациональностью и многоконфессиональностью этого региона, а изменения в ДМП определяются мультилингвальностью и мультикультурностью округа, в котором функционируют как однородные, так и гетерогенные языки: русский, адыгейский, кабардино-черкесский, белорусский, украинский, чеченский, карачаево-балкарский, армянский, дагестанские языки и др., что приводит к различным формам национально-русского билингвизма, транслирующим взаимодействие разных национальных когнитивно-ментальных пространств. В КДП научная дисциплина СКЛ изучает билингвальность ИАЯС и лингвокультурные смыслы этнических концептов в структуре ДМП.

Опираясь на свою междисциплинарность СКЛ разрабатывает и предлагает альтернативные методологические подходы и терминологический аппарат, проистекающие из социолингвистики (методики сбора данных, анализ социолингвистических параметров, социальное варьирование, языковые нормы, статистическая обработка и пр.). Эти методы сочетаются с приемами социальной психологии (анкетирование, тестирование, логические методы, консультации, тренинги, социометрия и др.) и инструментами когнитивной семантики (механизмы производства и восприятия речи, взаимодействие между говорящим и слушающим, память и пр.). Современный количественно-статистический инструментарий, соответствующий предмету СКЛ, обеспечивает интеграцию различных дисциплин в рамках гуманитарной, особенно филологической инженерии, анализирующей сложные системы (искусственный интеллект, нейролингвистика, компьютерная лингвистика), как самостоятельное научное направление.

Материалы и методы исследования

Фактический материал статьи включает выборку КДП из книги А.А. Хагурова «Жизнь коротка, как журавлиный крик». Методологическая база исследования основывается на законе диалектики, который рассматривает язык как материально-эволюционирующую систему, интегрируя общую и частную семантику с социокогнитивистикой и лингвокультурологией. Исследуемый материал не представлен в публикациях: газетах, журналах, научных и публицистических изданиях, а также в электронных СМИ, включая радио, телевидение и интернет, что демонстрирует адыгейско-русский коммуникативный континуум. В исследовании акцентируется внимание на билингвальных КДП, использующих как русский, так и адыгейский языки для обучения и коммуникации. Методы включают комплексный анализ слов и их сочетаний, ФЕ, пословиц и их переносных значений, а также их лингвокультурологический анализ и интерпретацию. Статистическая обработка и анализ служат инструментарием СКЛ и позволяют отслеживать эволюцию когнитивной шкалы билингвальности ИАЯС. Исследование охватывает 85 слов, не идентифицированных как части речи. Статистическая интерпретация социокогнитивной шкалы билингвальности ИАЯС и анализ эмпирического материала проводился с опорой на литературу [16] и [17].

Обсуждение

Социокогнитивную базу билингвальности ИАЯС характеризуют такие качества, как умение корректно и уместно использовать языки согласно их правилам и нормам в разных социолингвистических ситуациях, где важное значение имеет владение языковой картиной мира, как адыгской, так и русской, так как картину индивида и этноса определяет антропологичность. Типологию концептосферы в ДМП, транслирующих «глубинные структуры» билингвальности ИАЯС, представляем следующей классификацией:

1) **философский ДМП:** ... Как раз тогда наши ученые посадили на Луну космический аппарат. ... По всему было видно, что бабушка приняла наше сообщение как весть об очередной проделке обезумевшего человечества. Некоторое время она сидела с отрешенным видом, глядя на огонь, а потом с философской грустью сказала: Если и закинули туда железку — она обратно им же на голову и упадет [15: 275–281]. Социокогнитивная база билингвальности ИАЯС характеризуется влиянием философских рассуждений, социологической статистики, влиянием других гуманитарных и прикладных наук. ДМП транслирует специфику и формы понимания мира, знаний, источником чего являются философские концепции, научные открытия, повлиявшие на эволюцию человека и оказавшие особое влияние

на миропонимание и ценностные концептуальные установки этноса описываемого временного отрезка. Национальная аксиология связана с реалиями, их свойствами, характеризуя этническую концептосферу, транслируя языковую картину этноса, поддерживая социокогнитивный конструкт философских размышлений бабушки Абрека: *Нахьыпэм* «В былое время»; *Бэ шIэн, макIэ шIэн* «В один прекрасный день»; *ИкIахьыгъэкIи ишъомбгъуагъэкIи* «Вдоль и поперек»; *Нишъэ иI, цIыфэу зэкIэми ащыгъуазэр* «Всевидающее око» и др. [16: 120], выражая неопределенную двусмысленность происходящего в окружающем нас мире. Этническую концептосферу определяют такие паремии, как *Акъыл зиIэр зэкIэмэ якIэсэн* «У кого ум, тот опора для всех»; *Бзыур зыIэтырэр тамэ, цIыфыр зыIэтырэр иакъыл* «Птицу поднимают ее крылья, а человека — его ум»; *Къарыушхо нахьрэ — акылышху* «Лучше большой ум, чем большая сила»; *Акъыл зиIэм имыIэ щыIэп* «У кого есть ум, у того есть все»; *Зи Iу ит нэхьрэ зи шъхэ ит* «Лучше тот, у кого в голове есть (умный), чем тот, у кого в загоне (много скота) есть»; *ЦIыфым ахэмыхьагъэрэ къамыль-фыгъахэрэ зэфэдэ* «Человек, который не бывает среди людей, все равно, что не родился»; *ПсыикIыгъом Iусым псым ипIальэ ешIэ* «Кто живет у реки, тот знает характер реки»; *Зыми фэмышIу хьадырыхэ кIорэп* «На тот свет не идет ни один, который был бы не способен на что-нибудь»; *Акъыл зиIэм уеушъыйми шIыкIэ къыпфешIы, акъылынчэр къыбдэхьащхы* «Умный за совет поблагодарит, а неумный посмеется над собой»; *Акъыл зиIэр акъылынчIэми еджэнджэшы* «Умный советуется и с глупым» и др. [17: 128], характеризующие антропологическую программу познания окружающего мира, по мнению В.И.Постоваловой, которое «начинается с создания синтетических и комплексных дисциплин», лингвофилософии, социолингвистики, социокогнитивистики, лингвосоциологии, лингвоперсонологии, лингвоэтнологии, компьютерного языкознания, нейролингвистики и «...имеет двойную направленность. Они могут развиваться либо чисто автономно как часть науки о языке, либо в аспекте открытости и ... науки о человеке» [19: 13–14]. Когнитивная база концептосферы выражает такие требования к социально-ментальному конструкту цIыфы «человек»: *ЦIыфыр пшъхэ еплъытымэ емыкIу къэпхьыщтэп* «Если (другого) человека приравняешь к себе, позора не заслужишь»; *ЦIыфмэ шIу афэзышIэрэр агъашIо* «Кто людям добро делает, того они чтят»; *ЦIыфышIум итIысыпIэ хьазыр* «Для доброго человека сидение всегда готово»; *ЦIыфышIур лIэми ищытхьу къанэ* «Если добрый человек и умирает, а слава о нем остается» и др. [17: 128]. В контактирующих языках концепт цIыфы «человек» в семантико-структурном отношении и количественно разнонаправлен. Количество паремий адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих философский ДМП — 151, что составляет 36%. В адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [16: 120], презентующих философский ДМП — 23, что составляет — 10%. В контактирующих языках концепт цIыфы «человек» в семантико-структурном отношении и количественно разнонаправлен;

2) **этический ДМП:** *Уже взрослым я выяснял у своих адамиевских (аул Адамий) тетушек причину, по которой они удерживали меня целый год в своем ауле. ... В один голос они говорили, что считали своим долгом прокормить родного племянника хотя бы год ... Теперь я верю: они говорили правду* [15: 38–92]. Социокогнитивная база этноса транслирует в домене концепты, не порождая лингвокультурного конфликта, а презентуя национальный этикет «Адыгэ хабзэ»: *Адыгский этикет, ... дело тонкое ... много оттенков, незаметных для непосвященного* [15: 38–92]. Рефлексивно-оценочное мышление адамиевских (аул Адамий) тетушек, обращенное к этническим нормам и этикету адыгского этноса, не носит отрицательных параметров. ИАЯС транслирует то, что язык этноидентичен и презентует реализацию адыгагъэ

«адыгство» в ситуации гетерогенности лингвокультур, способствуя эволюции адыгейско-русского билингвизма. «Глубинные смыслы» когнитивно-ментального пространства презентуют паремии: *ИГорэ ишГэрэ этеты* «Его слова и дела неразрывны»; *Адыгэ хабзэ зехьэгъошГоп* «Соблюдать Адыгэ хабзэ нелегко» [17: 120], характеризуя ИАЯС с сбалансированным и адекватным билингвизмом. Этническую концептосферу транслируют ФЕ: *Гухэлъышъу* «Благое намерение»; *Делэ гоцэгъу нахьи, губзыгъэ дэогъу* «Лучше тяжба с умным, чем дележ с глупым»; *Зычы-зыпчэгъоу зэгот* «Водой не разольешь» и др. [16: 120]. Количество частотных паремических конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих этический ДМП — 144, что составляет 34%. Всего функционирует ФЕ — 1700 [16: 120], а презентующих этический ДМП — 56, что составляет — 24%;

3) **эмоционально-чувственный ДМП:** *Я стоял в степи, которая отделяла бывшую хату тети Сасы от переправы. И чувствовал, как возвращаюсь в то время — сороковые годы. После войны вместо лодочной станции была устроена паромная переправа ...* [15: 38–92]. В «Русско-адыгейском словаре» Х.Д. Водождова лексема *переправа* представлена как *зэпырыкІын, зэпырыщын* [21: 1991], но, по нашему мнению, существительное *зэпырыкІын* уместно при переводе. Социокогнитивный резерв билингвальности ИАЯС транслирует «путь» как структурированную схему, которую сам автор прошел в пространстве и времени, а «глубинные смыслы» этнической концептосферы представлены так: *Къош-шыпхъур хы къумиблым къыкъокІы* «Братья-сестры из-за семи морей придут на помощь»; *ЗыІэжэжьын, узыфэсакъыжьын; умыІуапхъэ умыІон* «Брат (взять) себя в руки»; *Е улІын, е улІэн* «Быть иль не быть»; *ИІоф дэи, плъэгъумэ угъын* «В плачевном состоянии» и др. [16: 120]. Когнитивно-ментальные конструкты этнической концептосферы транслируют переживания, являясь информацией о том, каким «каналом» личность транслирует или воспринимает непосредственное или опосредованное познание окружающей действительности, в частности, взаимоотношения с родными и близкими людьми. Домен презентует, что познаваемые объекты мироощущения являются базовыми эмоциями и фундаментальными чувствами ребенка: ... *Легендой сделалась моей разлуки ночь и черным жемчугом на сердце отвердела ...* [15: 38–92]. Социокогнитивная база этноса представлена лексемой *гу* «сердце», являясь структурной единицей сложных слов, презентуя специфику и диапазон данного когнитивно-ментального конструкта адыгской концептосферы. ФЕ и слов с лексемой *гу* «сердце» в адыгейском языке — 279 единиц [16: 120], где влияние оказывает полисинтетизм национального языка, в русском языке таких идиом — 59 единиц [20: 543]. Общее количество паремий в адыгейском языке — 450 [17: 128], презентующих эмоционально-чувственный ДМП — 45, что составляет 10%. В адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [16: 120], презентующих эмоционально-чувственный ДМП — 53, что составляет — 17%;

4) **эстетический ДМП:** *В зимние вечера дедушка часто ходил на охоту и возвращался, непременно обвешанный зайцами. Однако оставлял он не более двух — остальные как садакь раздавались «бедным соседям» — тем, в семьях которых не было мужчин. Таких близких соседей было три семьи, и дедушка проявлял заботу о каждой ...* [15: 38–92]. Социокогнитивная база *цІыфыгъэ* «человечность» презентует такие концепты: *ЦІэрыІу, анахь чъэпхъыгъ, зыпшъэ умыкІожьын* «Звезда первой величины»; *Уеплымэ укъегъэшхэкІы* «Любо-дорого смотреть»; *(ЦІыф) гъуаз, щысэтехыпІ* «Путеводная звезда» и др. [16: 120]. Эстетические чувства формируются на базе этнической концептосферы, формируя отношения к прекрасному, приближая нас к некоему идеалу *цІыфыгъэ* «человечность» и транслируют требования к нему так: *Ужэ инэу пшъхъэ цІыкІумэ уунэхъугъ* «Если у тебя язык длинный,

а ума нет (букв.: „а голова маленькая, ты несчастный“); *Дахэр пагэмэ, пыуты мэхьу* «Если красивый спесив, то теряет уважение»; *ЛЫм ышIэрэр ыIотэжьырэл* «Мужчина не разбалтывает о том (добром), что он сделал»; *ЛЫ илIыгъэ лэгъунэм щиIуатэрэл* «Настоящий мужчина — о своих подвигах не рассказывает на лэгъунэ (комната для молодых)»; *ЛЫхафэр утыгум щэшъабэ, лЫшъабэр утыгум щэкIыи* «Храбрый мужчина на людях кроток, а не храбрый — на людях криклив» и др. [17: 120]. Социокогнитивное пространство этноса презентует лаконичное, емкое и мудрое понятие *цIыфыгъэ* «человечность», транслируемое кодексом «Адыгэ хабзэ». По мнению ученых-лингвистов «... *цIыфыгъэ* — моральное качество, ... предполагающее обходительность, почтительность и сдержанность в повседневном общественном и семейном быту ...» [23: 17–18]. Концепт *цIыфыгъэ* «человечность» транслирует оппозицию человеческое/нечеловеческое; человеческое: *Нэм екIурэр гуми екIу* «Что приемлет глаз, то приемлет и сердце»; *ШIу умышIэу шIу ущымыгугъ* «Не делая добро, не жди добра»; нечеловеческое: *Осэпсхэмышьэр — Iахьынчъ* «Тот, который не вступает в росу, т.е. бездельник»; *ЖэкIэ маис, IэкIэ сэмэгу* «Языком — сабля, рукой левша» [17: 120]. Необходимо отметить, что когнитивно-ментальный конструкт *цIыфыгъэ* «человечность» характеризует концепт *адыгагъэ* как значимый и необходимый компонент адыгского кодекса «Адыгэ хабзэ». Общее количество паремических конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих эстетический ДМП — 29, что составляет 7%. Данные ФЕ презентуют этническую концептосферу *цIыфыгъэ* «человечность»: *Пэрыохъунчэу, дэгъоу = тхъу щыфагъэм фэдэу* «Без сучка, без задоринки», *ЦIыфмэ ямышъэгъу* «Белая ворона», *УнэшIу къысщыф* «Будь добр». Всего функционирует ФЕ около 1700 [16: 120], презентующих эстетический ДМП — 18, что составляет — 8%;

5) **научный ДМП:** ... *Если действительно существует информационное поле Вселенной (об этом наука стала говорить вполне серьезно), то почему и такая вездесущая стихия, как Вода, не может принимать, перерабатывать и использовать мировую информацию? А если она это может, мы имеем некий Солярис здесь на Земле. Да и вообще... Как бы вся наша планета не превратилась в Солярис ...* [15: 38–92]. Социокогнитивная база билингвальности этого домена глубока и объемна, пропозиционально связана с реально существующими объектами окружающего мира, характеризует трансляцию и специфику осмысления мира, являясь доказательством концепций и теорий, заявляя о себе научным дискурсом, исследуя различные подходы и объекты. Научный дискурс адыгейского литературного языка преимущественно сложился как филологический, идет процесс выработки терминологического аппарата академического и других дискурсов. ФЕ этнической концептосферы могут явиться внутренним ресурсом для развития научного дискурса адыгейского литературного языка: *Иакъыл къэкIон, изэхэшIыкI къэкIон зэхышIыкIы хъун* «Братся (взяться) за ум»; *Аужыпкъэм, зэфэхьысыжьыгъэу къэкIон хъумэ* «В конечном счете»; *Зэхэубытагъэу, зэрэпсаоу* «В общем и целом»; *Жэбзэ дахэ Iульын, зэгъэкIугъэу гущыIэн* «Владеть словом»; *УишIошI ахэплъхъан; игъо плъэгъурэр ахэпIон* «Вносить (внести) предложение», *Нэфагъэ хэльхъан* «Внести ясность»; *Ежь иакъылкIэ нэсын, иакъылы къыубытын, гу лъытэн* «Доходить (дойти) своим умом» и др. [16: 120], которые по форме и содержанию транслируют логичность или констатацию фактического материала, универсальны для разных языков, но уникальны в национальном языке. Паремии презентуют социокогнитивное пространство, выполняя не только познавательную, но и эстетическую функцию: *Дунаир щэрэхъэу къекIокIы* «Мир движется подобно колесу» и др. [17: 128]. Общее количество паремических конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих научный ДМП — 22, что составляет 5%. В адыгейском

языке функционирует около 1700 ФЕ [16, с. 120], презентующих научный ДМП — 38, что составляет — 10%;

б) **религиозный ДМП:** *Что касается мусульманской веры моей нации .... Язычество — детская пора человеческого духа. ... На небесах решили: Муса свой срок отжил. И послали за ним псэхэх (ангел смерти) ...* [15: 38–92]. Социокогнитивная база домена, связанная с этнической концептосферой, презентует в КДП «символы» исламской культуры лексемами Аллахь «араб., тур.», *бысльымэн* «мусульманин» «араб., перс., тур.», *псэхэх* «ангел смерти», функционируя в обиходно-разговорном стиле речи, охватывают профессиональный участок и отражают специфику картины мира адыгов. Ислам и его проникновение в Черкесию не вызвало у адыгов беспокойства, так как мусульманские нормы были близки к обычаям и установкам этикета «Адыгэ хабзэ». Речью героя интериоризованные знания ИАЯС характеризует отношение к религии: *... А Муса заупрямился, уперся, повторял: «Не предупреждали! Не предупреждали! ...* [15: 38–92]. По данным словаря «Энциклопедия черкесской мифологии» М. И. Мижаевой, М. М. Паштова мифологема трактуется так: [Псахех] (от псэ — „душа“ и хэх — „изъять“) — ангел смерти [18: 460]. Следует отметить, что часто встречается в КДП нивелировка религиозных норм в рамках «Адыгэ хабзэ», так как этническая концептосфера транслирует когнитивно-ментальный конструкт, сложившийся в социуме: *Джыхьнэм машІу* «Ад кромешный», *ГъашІэ кІахьэ охьу* «Чтобы твоя жизнь была долгой», *Хьадрыхэ кІуагъэу къэкІожьыгъэ щыІэп* «Никто еще не вернулся с того света», *Хьадрыхэ дунай* «Загробный мир», *Аллахьым сыщеухьум (ущеухьум)* «Избави бог» и др. [16: 120]. В ментальном пространстве этноса выработано отношение к религиозному и обыденному в индивидуальном и коллективном сознании, что транслирует когнитивный резерв билингвальности ИАЯС имплицитно, что презентуется на «глубинном» уровне: *Укъызалъфым пстэури гушІуагъэ, узылІэжьыкІэ зыфэбгъэгъышьуцтхэмэ* «Когда ты родился, люди обрадовались, если ты сможешь сделать так, чтобы после твоей смерти они плакали по тебе»; *Къошыр зыщыбэм бэныр щыбыхьу* «У кого много родни, у того могила просторная» и др. [17: 128]. Количество частотных паремических конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих религиозный ДМП — около 17, что составляет 4%. Всего в адыгейском языке функционирует около 1700 ФЕ [16: 120], а транслирующих религиозный ДМП — 23, что составляет — 10%;

7) **архетипический ДМП:** *... Чем больше живу на свете, тем чаще образы детства являются во всей яркости красок ...* [15: 38–92]. КДП ИАЯС транслируют интериоризованную информацию, характеризующую соотношение пространства и времени в детских воспоминаниях. Этническая концептосфера презентует не только детскую мыслительную деятельность, но и структурно-семантические интериоризованные значения концептов: *Ащыгъупшэжьын, тумы хьун игугъу зышІыжьырэр оры* «Кануть в лету»; *ЕгъашІи* «Во веки веков» и др. [16: 120], которые функционально преподносят информацию о первичном опыте и этапе организации социокогнитивной базы в детстве, передаваемые из поколения в поколение этносом. Семантика языкового знака говорит о разнородности и исходных структурных составляющих социокогнитивной базы ИАЯС: *... Чем больше живу на свете, тем чаще образы детства являются во всей яркости красок ... существует память чувств; ты вспоминаешь не только ситуации, события, но и чувства, которые они в тебе рождали ... конечно, будет не оригинал чувств, а его копия ...* [15: 38–92]. Информационную и глубинную наполненность ДМП характеризует этническая концептосфера: *Дунаир къошыныжь хьугъэп, къутэжын къодыеу щытэп* «Мир не превратился в старый кувшин, готовый развалиться»; *Дунаир Іэджими къялыгъ* «Мир уцелел от многих потрясений» и др. [17: 128]. Общее количество частотных паремических

конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих архетипический ДМП — 7, что составляет 2%. Всего функционирует около 1700 ФЕ [16: 120], презентующих архетипический ДМП — 7, что составляет — 8%;

8) **мифологический ДМП:** *Когда вода войдет в берега, ... мужчины (женщинам этого не дано) будут часто видеть Женщину Воды — Къольбаст ...* [15: 38–92]. Социокогнитивная база этнической концептосферы посредством билингвальности ИАЯС транслирует символическую составляющую домена. В «Энциклопедии черкесской мифологии» И. И. Мижаевой, М. М. Паштова презентуется *Алмэсты* [Алмасты] (*Къулбасты, Къолбастэ, Алмастын, Налмэстын*) — персонаж низшей мифологии, враждебный человеку; человекоподобное существо большого роста, покрытое густой шерстью, чаще женского пола... [18: 460]. Далее, *Псыхъу-гуащэ* [Психо-гуаша] (от *псыхъу* — „[долина] реки“ и *гуащэ* — „богиня“) — богиня рек ... может навести страх на увидевшего ее [18: 460]. Домены характеризуют концепты, реализующие сверхъестественное отражение действительности, как нереальное выражение реальности, транслируя эволюцию и специфику преломления коннотативных смыслов в языковой картине автора КДП. Находясь в «плёну» у ментального пространства, ИАЯС отражает наивное одушевление природы, олицетворение вещей, метафорическое сопоставление возможностей человека и природы, являясь составляющей сюжетно-понятийной структуры КДП, требуя анализа авторского замысла как многоуровневого структурированного набора элементов единого когнитивного пространства. Концепты, входя в различные культурологические парадигмы, интерпретируют и модифицируют текст, актуализируя как центральные, так и периферийные элементы имплицитной, так и эксплицитной когнитивной базы ИАЯС. В КДП частотны параметры пространства и места, свойственные мифологическому мышлению: 1) гидроним: *Шъхъэгуащ* «Белая», *Къобэн* «Кубань»; 2) этнический ареал адыгского субэтноса: Чемгуй, Бжедугия, Шапсугия; 3) населенный пункт: Адамий, Тлюстенхабль, Кунчукохабль, Шабанохабль, Харзах, Майкоп; 4) природный ландшафт (гора, река и т.д.): кемиргои жили между Кубанью, Лабой и Белой; 5) часть этнического ареала, конкретного природного объекта: Кавказ, Кубань, целебные минеральные воды в Горячем Ключе «Псыфаб». Билингвальность ИАЯС позволяет транслировать на «глубинном уровне» национальную концептосферу, презентуя этнический субстрат: *ЗэкI, икъежьапIэ щегъэжьагъэу иухыпIэм нэс* «Альфа и омега»; *ТхъэрыIо пыт* «Аннибалова клятва (Ганнибалова)»; *МэхапIэ, цIыфыр зыщыщтэхэрэ чIыпI* «Ахиллесова пята» и др. [16: 120]. Этническая концептосфера презентует информацию, транслирующую специфику и перспективу концептуального структурирования действительности, способствуя познанию мира и получению новых представлений о нем, характеризуя когнитивно-ментальные конструкты этноса: *Жьогъозэшиблым загъазэмэ нэф мэшьы* «Семь звезд — братья (так называют адыги Большую медведицу) сделают один круг обращения вокруг себя — наступает рассвет»; *Нарт ыIуагъэм епцIыжьырэп* «Нарт верен своему обещанию»; *Къамзэгум бгыр къетIэкIы* «Муравей, и тот гору крошит» и др. [17: 128]. Общее количество частотных паремических конструкций адыгейского языка — 450 [17: 128], а презентующих мифологический ДМП — 8, что составляет 2%. ФЕ в адыгейском языке функционирует около 1700 [16: 120], презентующих мифологический ДМП — 18, что составляет — 7%. Теоретический и эмпирический анализ материала работы будет служить основанием для дальнейшей разработки прикладных исследований, позволяющих транслировать смыслы национальной концептосферы читательской аудитории в КДП, что особенно актуально для писателей моно-, би-, транс- и мультилингвальной художественной словесности РФ, в частности Северного Кавказа, в аспекте межкультурной коммуникации и «диалога культур».

Статистический материал статьи, характеризующий эксплицитные и имплицитные смыслы ИАЯС в билингвальных КДП, транслирующий специфику этнической концептосферы в ДМП представим Диаграммами 1 и 2. В соответствии с динамикой и частотностью концептов нами выстроена представленная в статье авторская классификация ДМП, транслирующая специфику ИАЯС А. А. Хагурова:

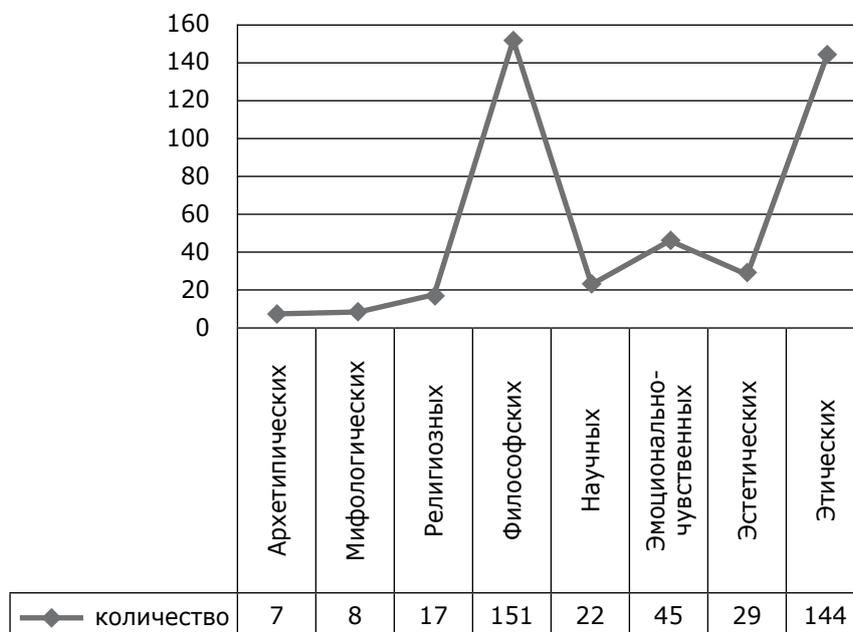

Диаграмма 1. Частотность паремий этнической концептосферы в ДМП
 Diagram 1. Frequency of ethnic conceptosphere paremi in the DMP

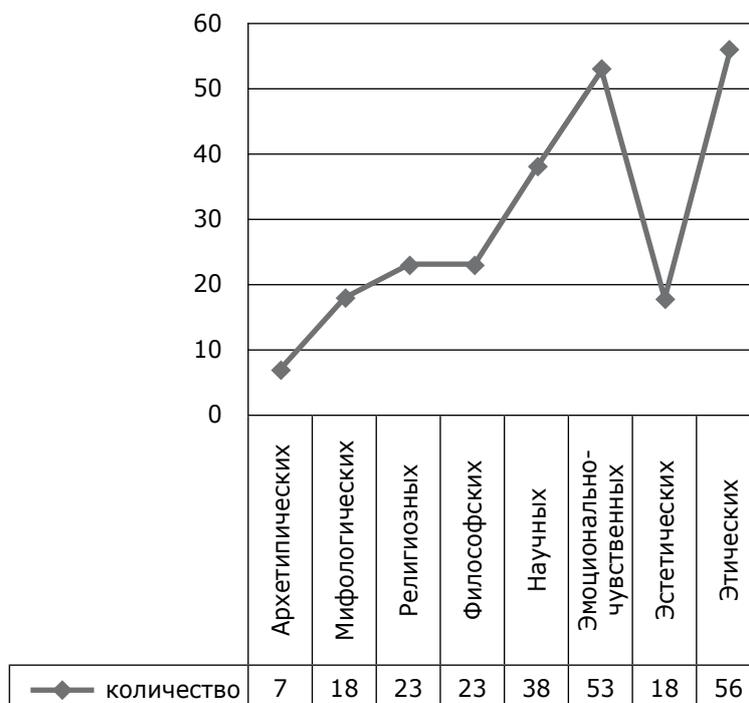

Диаграмма 2. Частотность идиом этнической концептосферы в ДМП
 Diagram 2. Frequency of idioms of the ethnic conceptosphere in the DMP

Заключение

В заключении следует отметить, что новое научное направление СКЛ выступает как парадигмообразующая идея, акцентирующая внимание на социоцентризме, не-офункционализме и культуроцентризме, определяя статус билингвизма как синкретичного, бинарного явления и «продукта» моделей, форм национально-русского би-/транслингвизма, а термин «домен ментального пространства» позволяет систематизировать концептуальные категориальные параметры секторальности этнической концептосферы, углубляя существующие в теоретической лингвистике представления относительно лингвокультурологической основы КДП с преобладанием в ИАЯС идиомы «русский язык». Научный интерес представляют разработки вопросов, касающихся проблематики самопрезентации ИАЯС и представлений о когнитивно-семантической, функционально-стилистической, лингвокультурологической, семиотической специфике этнокультурных маркеров в КДП, которые должны исследоваться при дальнейшем анализе социо- и психолингвистической специфики языковых контактов в мультилингвальной художественной словесности Северного Кавказа. Анализ эмпирического материала, презентующего этноидентичность ИАЯС в структуре ДМП, позволяет говорить о высоком когнитивном резерве билингвизма, транслирующем «глубинный» субстрат этнической концептосферы этноса. СКЛ нуждается в развитии количественно-статистического инструментария для анализа социальных процессов в социуме и изучения лингвокультурных медиаторов ИАЯС, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, а предлагаемая типология ДМП может стать основой для будущих исследований, так как количественные параметры этнической концептосферы представлены неравномерно и требуют научных изысканий. КДП написаны современным русским литературным языком нации, чья культура и язык являются инструментом билингвальной трансляции, выполняющем функцию диалога культур в ситуации контактирования гомогенных и гетерогенных языков, способствуя повышению эффективности в развитии адыгской социокогнитивной системы в контексте русской и мировой культур. Выявленная в работе высокая частотность функционирования «глубинных» смыслов, характеризующих этническую концептосферу ИАЯС (философский ДМП — 36% и этический ДМП — 34% в паремиях, в этическом ДМП — 24% и научном ДМП — 10% в идиомах) характеризует национальную аксиологию как когнитивный ресурс билингвальности в структуре ДМП.

Примечания:

1. *Harder P.* Meaning in mind and society. A functional contribution to the social turn in Cognitive Linguistics. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2010. 131 p.
2. *Михайлов И. Ф.* Когнитивные основания социальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. Москва, 2021. 21 с.
3. *Gardner H.* The mind's new science: a history of the cognitive revolution. New York : Basic Books, 1985. 512 p.
4. *Fauconnier G.* Mental spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. by D. Geeraerts, H. Cuycens. New York : Oxford University Press, 2007. 352 p.
5. *Langacker R. W.* Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1990. 145 p.
6. *Cienki A.* Frames, idealized cognitive models, and domains // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. by D. Geeraerts, H. Cuycens. New York : Oxford University Press, 2007. 187 p.
7. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 614 p.
8. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. 538 с.
9. *Попова З. Д., Стернин И. Ф.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 226 с.

10. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. 356 с.
11. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии. Константы и варианты. Москва : Гнозис, 2017. 749 с.
12. Николаев С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов-на-Дону : Старые русские, 2005. Ч. 2. 196 с.
13. Бахтикиреева У. М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12.html> (дата обращения: 09.12.2023).
14. Исраилова Л. Ю., Исраилова И. Ю. Пути преодоления негативного воздействия межъязыковой интерференции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 4 (267). С. 49–53.
15. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Институт языкознания РАН. Москва : Знак, 2012. 202 с.
16. Анчек С. Х. Этнический феномен в структуре языковой личности (на материале адыгской языковой личности) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 2 (257). С. 17–24.
17. Хагуров А. А. Жизнь коротка, как журавлиный крик. Краснодар : Изд-во КубГАУ, 2011. 520 с.
18. Блягоз З. У., Тхаркахо Ю. А. Русско-адыгейский фразеологический словарь. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1993. 119 с.
19. Блягоз З. У. Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на русском и адыгейском языках). Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1992. 120 с.
20. Мижаева М. И., Паштова М. М. Энциклопедия черкесской мифологии. Майкоп : Паштов З. В., 2012. 460 с.
21. Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. Москва ; Тула : ТГУ им. Л. Н. Толстого, 2010. Т. 1. 272 с.
22. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.
23. Водождоков Х. Д. Русско-адыгейский словарь. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 1991 с.
24. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Москва : Наука, 1977. 567 с.
25. Бижева З. Х. Культурные концепты в адыгских языках // Проблемы развития государственных языков КБР : сб. науч. тр. Нальчик, 1996. 236 с.

References:

1. Harder P. Meaning in mind and society. A functional contribution to the social turn in Cognitive Linguistics. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2010. P. 131.
2. Mikhaylov I. F. Cognitive bases of sociality: Diss. abstract for the Dr. of Philosophy degree: 09.00.01. M., 2021. P. 21.
3. Gardner H. The mind's new science: a history of the cognitive revolution. N.Y.: Basic Books, 1985. P. 512.
4. Fauconnier G. Mental spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 352.
5. Langacker R. W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. P. 145.
6. Cienki A. Frames, idealized cognitive models, and domains // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Geeraerts, H. Cuyckens. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 187.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 614.
8. Likhachev D. S. Selected works on Russian and world culture. SPb.: SPbSUP, 2015. P. 538.
9. Popova Z. D., Sternin I. F. Semantico-cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki, 2007. P. 226.
10. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Basic characteristics of linguocultural concepts // Anthology of concepts. Volgograd: Paradigma, 2005. Vol. 1. P. 356.

11. *Zykova I. V.* Meta-language of linguoculturology. Constants and variants. Moscow: Gnosis, 2017. 749 p.
12. *Nikolaev S. G.* Phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets: ontological, correlational and functional characteristics of foreign language in poetry. Rostov-on-Don, 2005. Part II. P. 196.
13. *Bakhtikireeva U. M.* Creative bilingual personality (peculiarities of the Russian text of the author of Turkic origin). URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12.html> (date of access: 09.12.2023).
14. *Israilova L. Yu., Israilova I. Yu.* Ways to overcome the negative impact of cross-language interference // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maykop, 2020. Iss. 4 (267). P. 49–53.
15. *Kubryakova E. S.* In search of the essence of language: cognitive studies / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Znak, 2012. P. 202.
16. *Anchek S. Kh.* Ethnic phenomenon in the structure of linguistic personality (based on the Adyghe linguistic personality) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Iss. 2 (257). Maykop: ASU Publishing House, 2020. P. 17–24.
17. *Khagurov A. A.* Life is as short as a crane's cry. M., 2000. 520 p.
18. *Blyagoz Z. U., Tkharkakho Yu. A.* Russian-Adyghe phraseological dictionary. Maykop: Adyghe book publishing house, 1993. 119 p.
19. *Blyagoz Z. U.* Pearls of folk wisdom (Adyghe proverbs and sayings in Russian and Adyghe languages). Maykop: Adyghe book publishing house, 1992. 120 p.
20. *Mizhaeva M. I., Pashtova M. M.* Encyclopedia of Circassian mythology. Maykop: Pashtov Z. V., 2012. 460 p.
21. *Postovalova V. I.* Language and the spiritual world of man. Religious concepts in the "anthropological" representation // The vital connection of language and culture: materials of the international scient. conf.: in 2 vol. Moscow; Tula: TSU named after L.N. Tolstoy, 2010. Vol. 1. P. 272.
22. Phraseological dictionary of the Russian language / ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Sov. encyclopedia, 1967. 543 p.
23. *Vodozhdokov Kh. D.* Russian-Adyghe Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1960. 1991 p.
24. *Shagirov A. K.* Etymological dictionary of Adyghe (Circassian) languages. Moscow: Nauka, 1977. 567 p.
25. *Bizheva Z. Kh.* Cultural concepts in Adyghe languages // Problems of the development of the state languages of the KBR: Collection of scientific works. Nalchik, 1996. P. 236.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024;
принята к публикации 16.09.2024.
The paper was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 09.08.2024;
accepted for publication 16.09.2024

© Багировов Х. З., Макурова С. П., 2024